Изъ ростовской старины.

(Театральныя воспоминанія).

Посвятивъ основателю ростовскаго театра и его сотоварищу-сподвижнику, до самой своей смерти прослужившему въ Ростовѣ, два отдѣльныхъ фельетона, я теперь въ цѣломъ рядѣ очерковъ буду касаться того или другого какъ служившихъ здѣсь артистовъ лишь на столько, на сколько это будетъ необходимо для ясности описываемаго.

Не лишне охарактеризовать и театральную публику добраго стараго времени.

Зимній сезонъ начинался у насъ аккуратно 15 августа и кончался послѣднимъ днемъ сырной недѣли; лѣтній—съ третьяго дня Пасхи по 1 е августа. Широковѣщательные анонсы не были еще тогда въ ходу: 10 августа, просто, безъ рекламныхъ завываньютъ, шли въ театръ посмотрѣть новыхъ актеровъ.—Теперь каждый посѣтитель театра чуть не профессіональный рецензентъ: еще до появленія актера на сценѣ, публика составляетъ о немъ мнѣніе и выноситъ вѣнки, какъ не желательныя, сравненіи. Начинается прежде всего съ того, кто такой данный актеръ, какого онъ происхожденія, холостъ-ли онъ или женатъ, передается онъ устъ въ уста читаное о немъ въ той или другой газетѣ годъ, два или три назадъ, и на основаніи такихъ легковѣсныхъ данныхъ составляется у публики представленіе объ актерѣ, и она идетъ въ театръ уже съ предвзятыми взглядами и заранѣе составленными сужденіями. Забываютъ о томъ, что актеръ, о которомъ писали плохо 2—3 года назадъ, могъ современемъ выработать изъ себя прекраснаго артиста, что выводитъ сравненіе, на основаніи лицемѣрія здѣсь или тамъ гастролирующихъ столичныхъ труппъ по меньшей мѣрѣ—нелепицы, такъ какъ эти гастролеры съигрываются въ 5-10 пьесахъ то въ нимъ объѣзжаютъ всю Россію, тогда какъ провинціальному лицедѣю приходится играть массу пьесъ чуть ли не съ годовой репетиціи. Кромѣ того, столичныя труппы формируются изъ лучшихъ провинціальныхъ артистовъ, и на долю провинціи, за исключеніемъ большихъ университетскихъ городовъ, остается все то, что не попало въ списокъ избранныхъ,—поэтому и сравненій не должно быть.

Не то было въ прежнее время: тогда или въ театръ и уже послѣ двухъ-трехъ спектаклей составляли свѣ мнѣніе и тутъ-же избирали сезонныхъ любимцевъ и любимицъ.

Привязанность публики къ этимъ сезоннымъ фаворитамъ въ бывае годы доходила до абсурдовъ: стоило какому-нибудь любимому актеру появиться у буфета, и угощеніе начиналось нежальное, на-перебой, и если любимецъ почему-либо отказывался отъ подобнаго выраженія привязанности, то изъ-на этого для него выходили разныя непріятныя исторіи.

Много лѣтъ прослужилъ у насъ талантливый комикъ Востоковъ. Среди актерствующей братіи я не встрѣчалъ ничего безобразнѣе его наружности. Отецъ Востокова, принявшій христіанство калмыкъ, по фамиліи Каракалпаковъ, передалъ и сыну своему, воспитанному въ православіи, всѣ отличительныя черты калмыцкаго типа: выдающіяся скулы, косые, небольшіе глаза, широкій ротъ, смугалый цвѣтъ лица, торчащіе, большіе уши. Ко всѣмъ этимъ прирожденнымъ недостаткамъ прибавте еще рябины, причиненныя оспой,— и вотъ этакая фигура, въ день своего бенефиса, декольте, въ бѣломъ дамскомъ платьѣ, съ фальшивыми волосами и другими придатками дамскаго туалета (кринолинъ, шлеръ и пр.) выглядывала предъ готовящей публикой польку «Фашонъ»! Обладая недюжиннымъ комическимъ талантомъ, Востоковъ усиливалъ привязанность къ себѣ неравнятой части публики разными неумѣстными выходками на сценѣ. Онъ прослужилъ въ Ростовѣ безпрерывно 8 лѣтъ, занимаясь, кромѣ сцены, еще и архитектурой (въ его время лучшія постройки производились по его планамъ и подъ его наблюденіемъ), на которой нажилъ порядочный капиталъ. Онъ былъ при этомъ большой руки оригиналъ. Такъ, въ день своего бенефиса, утромъ, стоя на «ямахъ» возвоздимой постройки, онъ кричалъ оттуда черезъ всю улицу проходящимъ знакомымъ, напоминая имъ о своемъ бенефисѣ, и цѣлый день самъ разносилъ билеты; вечеромъ-же мало продающіяся ложи (по своему неудобству) были биткомъ набиты камешьщиками, плотниками и кровельщиками, согнанными сюда подрядчиками въ угоду архитектору актеру-бенефиціанту... Подошелъ къ самую патетическую минуту французской мелодрамы, мы ложъ раздавался здоровый храпъ.

Лучшимъ временемъ зимняго сезона были мѣсяцъ сентябрь, когда въ городѣ происходила ярмарка. Ярмарка эта и до сихъ поръ существуетъ, но только номинально; въ то же время, когда еще не было желѣзныхъ дорогъ, на нашу ярмарку съѣзжались торговцы съ товарами изо-всей Россіи, изъ Сибири, Казани, всего Приазовья, и дѣлались годовыя покупки. Народу собиралось масса; обороты были милліонные; деньги мотались безъ счета, вроде гранитъ ярмарочныхъ гостинницъ съ арфистками дѣвчатсю было всюда,—и всѣ валили въ театръ. Съ октября сезонъ вступалъ въ свои права; начинались по вторникамъ и пятницамъ бенефисы, ставились новыя пьесы и, въ виду того, что послѣ ярмарки многородной публики въ теченіи всего зимняго сезона не прибывало, — посѣтителями театра до весны, т. е. до начала водяного сообщенія, были только мѣстные жители.

Мѣстная публика состояла изъ интеллигенціи и купечества. Купцовъ было много, интеллигентныхъ людей 2-3 семьи. Поддерживала театръ семья М. Б. Драшковичъ, — въ то время очень богатая, занимавшая первое мѣсто въ Ростовѣ. Самъ Драшковичъ, крупный негоціантъ, владѣлецъ солиднѣйшей экспортной конторы, былъ большимъ меценатомъ, жена его тоже, а дочери и сыновья были законодателями модъ, камертономъ жизни ростовской молодежи. Жили они широко и открыто: барскій домъ, экипажи, пріемы, абонированныя ложи и кресла въ театрѣ, подарки бенефиціантамъ, буфеты, пикники—все это рѣзко выдѣляло Драшковичей изъ ряда другихъ. Теперь, при густонаселенности Ростова, жизнь подобной семьи прошла-бы не особенно замѣтной, но въ ту пору, къ которой относится мои воспоминанія, положеніе Драшковичей въ Ростовѣ было во многомъ похоже на положеніе какого нибудь владѣтельнаго герцога. Это не было безпутное мыганіе деньгами на манеръ московскаго Китъ-Китыча, а чисто-барская жизнь. Безъ душевной боли я и до сихъ поръ не могу вспомнить о томъ, что осталось отъ этого барскаго житья. Домъ, гдѣ жила семья Драшковичей,—убранный гобеленами, бронзой, севрскимъ и японскимъ фарфоромъ,—потомъ, послѣ разоренія ея, перешелъ во владѣніе къ г. Т... А—ну и былъ сданъ имъ подъ кабакъ. Садикъ при домѣ гдѣ цвѣли тропическія растенія, превратился въ увеселительное заведеніе, гдѣ подъ звуки пурмы, съ ароматомъ смерзнущаго шашлыка, пріютились всѣ ростовскія ночныя бабочки.

Кромѣ семьи Драшковичей, постоянными посѣтителями-абонатами театра были Кувшины, Гавраетовы, Садомцевы, Кречетовы, Кошкины, Бурнины, Михайловы, Латвиновы, Ященко и многіе др., да часто наѣзжали сюда нажировать жиръ Новочеркасскіе члены извѣстной родовитой семьи донцовъ — Платовскіе.

Оперетта главенствовала. Публика всегда дѣлилась на двѣ партіи: одна стояла за одну примѣну, другая—за другую. Особенно злобствовала партійность въ одномъ памятномъ для меня замѣчательномъ сезонѣ, когда, кромѣ лирической примѣны Т. В. Борисовой, на маленькія роли были приглашены двѣ молодыя примѣны—красавицы, талантливыя, сдѣлавшіяся потомъ извѣстными на всю Россію—Наталья Леонтьевна Полонская (вѣмка по происхожденію, по фамиліи Кестеръ) и Ольга Васильевна Кольцова (дочь оперной примѣны Леоновой), тогда только-что окончившая свое музыкальное образованіе. Обыкновенно, или оперетта, гдѣ эти примѣны участвовали вмѣстѣ,—и ноты тутъ-то нужно было видѣть и слышать, что происходило въ театрѣ! Когда одна партія оканчивала пьесу Полонской, другая, не желая уступить, вызывала Кольцову,—и спектакль затягивался до 2 х часовъ ночи, начинаясь въ 8 часовъ вечера. Уважатели забрасывали примѣнъ цвѣтами, подарками, особенно въ дни ихъ бенефисовъ,—подарки въ 500 руб. не были рѣдкостью.

Дни болѣе полной характеристики происходившаго тогда безобразія, я здѣсь опишу одинъ изъ многихъ случаевъ, бывшихъ на моихъ глазахъ. Шла какая-то оперетта, въ которой участвовали обѣ примѣны. Среди поклонниковъ Кольцовой былъ, нынѣ уже умершій, грекъ-коммерсантъ А. Когда спектакль уже окончился публика вся почти разошлась, и въ партерѣ остается только десятка два самыхъ ужасныхъ кмеломановъ, принадлежавшихъ къ той и къ другой партіямъ.

Уже разъ по пяти были вызваны то Полонская, то Кольцова, уже стали гасить огонь, многіе изъ дѣйствующихъ лицъ, разгримировавшись, собирались уходить изъ театра, а меломаны все продолжали, вызывая одну, потомъ другой. Полонскій, вообще нешая себя эксцентрично, при одномъ изъ выходовъ показалъ языкъ особенно шипящему ей А. А, ничтоже сумняшеся, хватилъ изъ оркестра стулъ и пустилъ его на сцену, минуя Полонскую. Послѣдняя, въ свою очередь, схватила какую-то бутафорскую вещь,—не то вазу, не то урну,—и пустила ее въ голову А, который уже лѣзъ черезъ барьеръ на сцену. Во время опущенный занавѣсъ прекратилъ этотъ скандалъ, о которомъ потомъ много говорили въ городѣ, и много еще дней послѣ того Полонская ходила въ театръ на репетиціи, на спектакли и обратно не иначе, какъ подъ охраной своихъ поклонниковъ, боясь мести со стороны А.

Б. Камневъ.